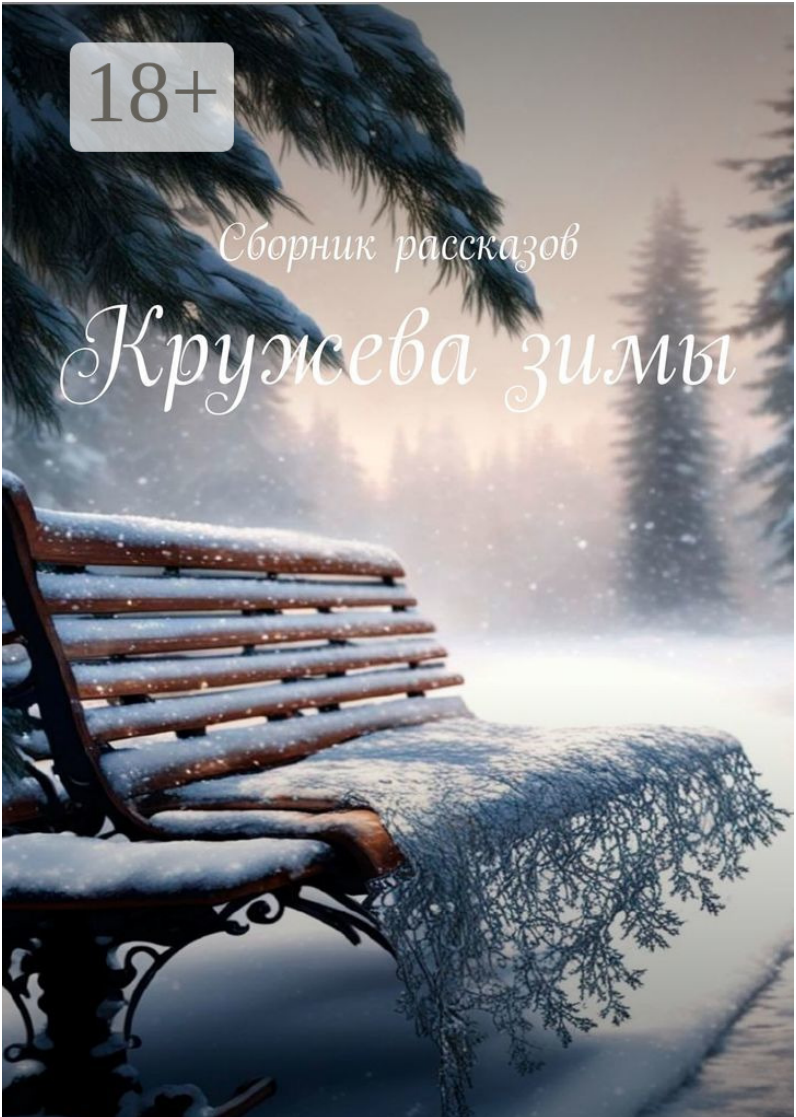

18+
Сборник рассказов
Кружева зимы

Елена Афанасьева

Кружева зимы. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70375687
ISBN 9785006243873

Аннотация

Зимним вечером приятно укутаться в шерстяной плед и устроиться на диване с душевной книгой в руках. Слушать, как шуршат странички и погружаться в трогательные истории.Сборник о самом холодном времени года – зиме, но он согреет верой в добро, любовь и мир. Позволит задуматься о смысле жизни, напомнит о вечных ценностях каждого из нас.В книгу «Кружева зимы» вошли короткие, но запоминающиеся рассказы конкурса писательского клуба «Четыре рукописи». Приятного чтения!

Содержание

Алла Перовская 6
Первый Новый год 7
Елена Кононенко 14
Адель 15
Ольга Сологубова 23
Любитель снежных лабиринтов 24
Андрей Краус 31
Самый одинокий Новый год 32
Надежда Воронжинская 37
Отец 38
Светлана Мезенцева 42
Огни Ленинграда 43
Вера Минакова 55
Новогодняя история 56
Лидия Бычкова 60
Фотография на память 61
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Кружева зимы
Сборник рассказов

Александр Пятков, Алла Перовская, Андрей Краус, Валентина Буряченко, Валерия Самойлова, Вера Минакова, Василиса Поданенко, Виталий Логвин, Вячеслав Беляев, Джиллиан Андерсон, Евгения Иванова, Елена Аболишина, Елена Афанасьева, Елена Комелягина, Елена Кононенко, Елена Кукочкина, Елена Олефиренко, Женя Огонькова, Ира Ширяева, Ирина Луговых, Ксения Елкина, Лидия Бычкова, Людмила Таланова, Марина Вальд, Надежда Воронжинская, Ольга Сологуб, Светлана Адаменко, Светлана Мезенцева, Сергей Балабанов, Татьяна Вербицкая, Эллина Норд, Эль Рахмат, Юлия Молоткова

Редактор Елена Афанасьева
Дизайнер обложки Алла Перовская
Автор аннотации Светлана Мезенцева
Автор аннотации Юлия Молоткова
Автор аннотации Ольга Сологуб
Автор аннотации Эль Рахмат

© Алла Перовская, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-4387-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алла Перовская

44 года, г. Омск, Россия. Хозяйка двух котов породы мейн-кун и собаки корги кардиган. Соавтор шести коллективных сборников и журнала «Буки-знаки». Участник литературных марафонов и конкурсов. Публиковалась в «Независимой газете», колонка «Стиль».

Первый Новый год

Эльзе пять лет. В детском саду рисовали новогодние шарики на пушистой еловой ветке. Воспитательница восхищалась и умилялась ее рисунку. Воодушевленная девочка подарила его маме.

– Миленько, – не глядя, сказала мама, свернула листок и торопливо убрала в сумку.

Вечером следующего дня, под бабушкино ворчание, Эльза тихо плакала на кухне.

– Мать работает, старается – и все ради тебя. Неблагодарное дитя. Что ты тут болото развела? У матери должна быть личная жизнь. Ешь давай и спать ложись. Этих новых годов в твоей жизни еще воз и маленькая тележка будет.

Эльза отодвинула тарелку макарон с сыром, запихнула в карман положенных по случаю праздника два мандарина и молча ушла в свою комнату.

Она еще не понимала, что такое личная жизнь, но раз это было так важно для мамы, значит, нужно научиться не плакать, когда она уходит из дома.

Первый класс. Эльза идет в школу одна. Вчера водили в парикмахерскую и остригли косу. У всех девочек красиво уложены волосы и повязаны пышные белые банты. Челку Эльзы закололи невидимкой с маленькой белой маргариткой.

– Мне некогда тебя будет заплетать, – строго сказала мама на возражение дочери. – Я рано ухожу на работу, бабушка тоже, а каре теперь модно, и никакой возни. Уж с расческой сама справишься.

Пришлось справляться самой и с уроками. Бабушка отмахивалась, переключая телевизор от одной программы к другой:

– Мне никто не помогал, и ты давай сама разбирайся.

Тягучей ириской потянулись школьные годы. Эльза уже сама ходила в магазин не только за хлебом, ей доверяли покупать другие продукты и готовить самой себе обеды. Бабушка открывала журнал «Работница» на странице с рецептами и удалялась к телевизору.

– Мне никто не помогал. Скажи спасибо, что корову не надо доить, – в сотый раз слышала Эльза ворчание бабушки и принималась чистить картошку, неумело срезая толстым слоем кожуру.

Мать приходила с работы поздно, торопливо пила чай и снова устраивала свою личную жизнь, болтая часами по телефону с очередным «тем самым».

Эльза удрученно вздыхала и открывала учебник. Надо признать, что учиться ей нравилось. Неважно, какой это был предмет, математика или пение, Эльза с одинаковым рвением принималась за новое задание. Ее успехами в учебе гордились педагоги, завидовали некоторые одноклассники, другие же обращались за советом или помощью, и Эльза с радо-

стью помогала своим сверстникам.

На родительские собрания бабушка с мамой не ходили.

– У меня голова разболелась, – всегда говорила бабушка.

– Ты что-то натворила? – бледнела мать и поджимала и без того тонкие губы.

Эльза уверяла, что ничего не случилось – наоборот, ее хвалят и она даже заняла первое место на олимпиаде по немецкому языку, а ее рисунки взяли на общегородскую пионерскую выставку, и мать выдыхала.

– Тогда что туда ходить? Я и так знаю, что моя дочь лучше всех, тем более сегодня вечером Валерий Иванович пригласил в «Арго». «Арго»! Мам, ты понимаешь, какого уровня этот человек?

Бабушка рысью неслась на кухню ставить чайник, закрывала дверь, и они добрых два часа обсуждали будущие перспективы «за таким-то мужем».

К семнадцати годам Эльза уже окончательно решила поступать на полиграфический факультет, но предусмотрительно умолчала о своем решении. Мама и бабушка настоятельно рекомендовали педагогический вуз.

– Ты на немецком как на своем родном языке говоришь. В два счета станешь крутым переводчиком. Понимаешь, какой это шанс? В каких кругах будешь вращаться? Мужа себе нормального выберешь, – мечтательно трепетала о будущем мать.

– А то и за границей работу найдешь и нас из этого болота

заберешь, – вторила ей бабушка.

– Немецкий, блин. Кому он нужен, кроме немцев? – бормотала Эльза и открывала методичку с примерами, которые будут на вступительном экзамене в политехе.

Она без проблем прошла конкурс и вихрем ворвалась в студенческую жизнь. Дома, естественно, был скандал, но Эльза убедила мать и бабушку, что диплом переводчика тоже получит и сразу же после второго курса подаст документы на заочное отделение в пед. Перемирие длилось недолго.

Зимняя сессия. Эльза получила три «автомата» за экзамены во время зачетной недели и с диким восторгом захлопнула зачетку. Теперь можно спать до обеда и не торчать все выходные за учебниками.

Окрыленная успехом, она вернулась домой. Еще в подъезде услышала вкусный запах жареной курочки.

– Точно, запеку курицу. Буду поливать ее жирным соком, чтобы получилась хрустящая корочка. Разложу вокруг круглую картошку, она пропитается шкварчащим жирком и станет мягкая. Ой, все. Есть хочу. – Эльза вошла в квартиру и поняла, что ее опередили и курица уже готова.

В коридоре резко возникла мать праздничном платье и с модной укладкой.

– Быстро приведи себя в порядок: переоденься, глаза подкрась, помаду мою розовую возьми. Что стоишь? Давай бегом, у нас гости.

– У вас гости, а я-то тут при чем? – Эльза сняла сапоги и повесила пальто в шкаф.

– Не выводи меня из себя, – зашипела, как выпитое шампанское, мать. – Чтобы через пять минут была за столом.

Эльза не стала спорить, но и переодеваться не стала. Она зашла в ванную, вымыла руки, расчесалась для приличия и открыла дверь в комнату.

За большим столом сидели расфуфыренные мать и бабушка, рядом с ними краснели заплывшими щеками два не совсем трезвых мужика в пиджаках и галстуках.

– А вот и наша Эльзушка, – елейно пропела бабушка. Мать криво улыбнулась, раздраженная неповиновением дочери.

Эльзушка? Никогда ее так не называли. К чему бы это?

Все оказалось до банального просто: мать все-таки захомутала Валерия Ивановича, правда, не насовсем. Теперь она чаще пропадала на все выходные и даже ездила с ним на море. Мать свято верила, что когда-нибудь он уйдет от жены, нужно просто быть терпеливой.

Валерий Иванович пришел с другом, который сразу же не понравился Эльзе. Он смотрел на нее голодным взглядом гиены, только слюной не капал на пол, ядовито улыбался и отпускал пошлые шуточки, которые очень забавляли Валерия Ивановича и мать.

Эльза кое-как впихнула в себя ложку крабового салата и две виноградины, поблагодарила за обед и поднялась из-за

стола. Друг Валерия Ивановича поднялся за ней.

– Куда спешишь, принцесса? Может, покажешь мне свою комнату? – противно причмокнул он и облизнул губы.

– Что? – растерялась Эльза, и ее лопатки плотно врезались в стену.

– Ну, ну, не строй из себя недотрогу. Раз замуж собралась, так можно и поближе познакомиться. – Он плотнее придвинулся и горячо задышал ей в лицо.

Эльза выскользнула из его объятий и опрометью выскочила из комнаты. Она на ходу схватила сумку и пальто, сапоги застегивала уже в подъезде.

– Что ты за дура? – цедила сквозь зубы мать. – Ты знаешь, кто это? Он готов финансировать твое второе высшее образование и посодействует стажировке в Германии.

– Мам, – спокойно сказала Эльза. – Ты когда-нибудь думала обо мне как о ребенке? Не о вечно путающейся под ногами кошке, не о товаре, который можно выгодно продать, а просто как о ребенке, который хочет, чтобы его слышали и просто любили.

Хлесткая пощечина, сжатые в нитку губы и громко хлопнувшая дверь.

Эльза брела по заснеженному городу. В голове не было ни одной мысли. Она не жалела о своих словах, не думала о доме, не плакала, что обидела мать, просто шла. Чувствовала необычайную пустоту и легкость, будто она долго рыдала и теперь наконец-то наступила ясность. Почему она столько

времени терпела такое отношение к себе? Зачем?

Ноги сами привели к студенческому общежитию. На некоторых окнах горели огоньки гирлянд, где-то шумела веселая музыка. Наверное, студенты, те, кто не уехал домой, праздновали сдачу зачетов.

– Лиз, ты? – К ней подошел Ваня Соколов из параллельной группы. – Ты как тут оказалась? Чего не дома? Завтра ж Новый год.

– Да так. – Эльза попинала пушистый снег носком сапога. – Как-то само пригулялось сюда.

– Пошли к нам, с комендой я договорюсь. Девчонки пельменей налепили, а Вовке родаки сало передали и банку огурцов.

– Да поздно уже, – замялась Эльза.

– И чего? – удивился Ваня. – У девчонок место есть свободное, Катька к родителям уехала. Ну я же вижу, что домой ты не собираешься. Под кожу не лезу, но и замерзнуть не дам. Пошли уже.

Эльза не помнила ни один Новый год из детства, но этот она запомнила на всю жизнь. С того самого дня она почувствовала, как это – быть частью чего-то по-настоящему важного. Когда тебя искренне понимают люди и от души готовы разделить последний пельмень.

Сегодня она вспоминает о том времени с большим теплом и делится воспоминаниями со своими детьми, умиляясь в сотый раз их детсадовским рисункам.

Елена Кононенко

Участница семи коллективных сборников рассказов и стихотворений. Участница совещания молодых писателей Кузбасса «На 55-й широте», финалист конкурса «Литераторы земли Сибирской». Организатор писательского клуба «Четыре рукописи». Познакомиться с ее творчеством вы можете на странице ВК @elenka_konon.

Адель

В крохотной комнатушке догорает свеча. Ее дрожащее пламя раскидывает по углам тени, которые, точно призраки, таинственно пляшут и прыгают. Но это добрые призраки, и маленькую Сару они не пугают. Девочка смотрит на пламя свечи, и легкие тихие слова колыбельной слетают с ее губ:

Я прошу у снежных облаков
Подарить немного сладких снов.
Метель придет, и следом ночь за ней
Унесет нас в мир таинственных огней.

Сара баюкает свою единственную куклу. Адель (так назвала девочка куклу) – некрасивая и нескладная. Большая голова, широкие плечи, плоское лицо, на котором едва заметны выцветшие синие глаза, толстые деревянные руки и такие же ноги, прикрученные шарнирами к огромному туловищу. И только длинные, по пояс, золотисто-каштановые волосы украшают деревянную дурнушку.

Но маленькая Сара очень любит свою Адель. Сколько девочка себя помнит – кукла всегда была рядом, а это уже почти семь лет. И нет игрушки красивее и желаннее на свете. Кукла напоминает ей о маме. Сара бережет эту последнюю святыню, как берегут самые светлые и добрые воспоминания о счастливом и невинном детстве.

При воспоминании о маме слезы застывают на глазах ребенка. Больше никогда заботливые руки не коснутся головы, мягкие губы не поцелуют… Да и тепла и света в крошечной комнатушке больше не будет. Потому что после смерти мамы Сара осталась одна со старенькой бабушкой, которая сильно болеет и все чаще лежит в постели, нежели играет с ребенком.

Вот и в эту зиму бабушка слегла в постель. Старушку бил озноб, щеки полыхали красным пламенем, в глазах блестели невыплаканные слезы, а губы дрожали и запекались от внутреннего жара.

– У-у-у-у… – тихий ослабевший стон нарушает воспоминания ребенка.

– Сейчас, сейчас… – Сара бросается к постели и начинает протирать мокрой тряпкой горячий лоб бабушки.

Но бедной женщине это не помогает, и она продолжает метаться по кровати. Видимо, мысли о плохом носятся в ее седой голове и мешают уснуть.

Девочка сильнее прижимает к себе куклу. Она всегда так делает, когда ей грустно и одиноко.

Вскоре скрипнула дверь, и на пороге комнаты появился мужчина. Его не видно в потемках, но девочка знает, что это доктор. Он уже приходил год назад, в день, когда умерла мама Сары. Тогда приходило много врачей. Они о чем-то говорили, шептали… Сара тихо плакала и лишь сильнее прижимала к себе Адель. Она все понимала. Вечером того же

дня душа мамы улетела к Господу. Бедная женщина умерла от страшного и непонятного Саре слова – чахотка.

– Засветите еще огонь. У вас есть свечи? – произносит доктор.

Сара молчит. Тогда мужчина, порывшись в карманах, зажигает свою спичку.

– Не бойся. Я не причиню твоей бабушке вреда. Только осмотрю ее.

Доктор с четверть часа возится с больной женщиной. Сара в это время внимательно и остро наблюдает за ними.

– Нужно лекарство, и как можно скорее, – обращается доктор к девочке. – Я выпишу рецепт, а ты сбегай в аптеку мистера Йозефа и выкупи. У вас есть деньги?

Сара отрицательно качает головой.

– Мне очень жаль. Но без этого лекарства бабушка не поправится. Я приду к вам завтра.

Доктор уходит, свеча тухнет, и вскоре опять слышится тихий стон бабушки: «У-у-у-у…»

Сара подходит к окну. На улице падают густые белые хлопья снега. Девочка достает из кармана бабушкиного старого передника деньги. Всего пара монет – этого не хватит на лекарство. Сара надевает короткий рваный тулуп, накидывает на голову бабушкину серую шаль, берет Адель и выходит на улицу.

Она бредет вдоль домов и витрин магазинов, пока не упирается в двери мистера Йозефа.

Набравшись смелости, маленькая Сара входит внутрь. Крохотными пальчиками протягивает рецепт и монетки худому узкому старику.

Мистер Йозеф морщится, а затем пренебрежительно произносит:

– Этого мало! Нужно еще столько же!

– У меня больше нет, – дрожащим голосом отвечает Сара.

– Тогда чего же ты пришла! Проваливай отсюда, попрошайка! – гневно кричит мистер Йозеф вслед испуганной девочке.

Сара выбегает на улицу. Она не может пойти домой без лекарства, не может потерять бабушку. И тогда маленькая девочка принимает решение: она будет просить милостыню.

Аптека мистера Йозефа находится в центре, на самой оживленной улице города. Здесь всегда много народу, и есть шанс, что хоть кто-то сжалится и подаст девочке монетку.

– Подайте, Христа ради! Подайте! – шепчет она. Но никто из прохожих не слышит или не хочет слышать этих жалобных слов, никто не обращает внимания на отчаянную мольбу, звучащую в словах бедного ребенка.

А тем временем поднимается настоящая метель. В воздухе белеет, и снег начинает метаться взад и вперед сетью, угрожая залепить девочке глаза, рот и уши.

Саре холодно. Тоненькие детские ручку краснеют от холода. И девочка сильнее прижимает к себе застывшую куклу, словно пытаясь укрыть ее от ветра и снега.

– Подайте, Христа ради! Подайте!

Саре срочно нужны деньги, но никому нет до нее дела… Бедняжке не подали ни гроша.

– Что это у тебя? – вдруг спрашивает чей-то голос.

Сара поднимает голову и видит перед собой мужчину. Он настолько некрасив, насколько можно себе представить. Высоченный, сутулый и серый, как фонарь на городской площади. Руки и ноги тоже очень длинные. Черные волосы убраны в косу, а в ухе позвякивает длинная серьга. Удивительно – у такого некрасивого мужчины бархатный и чарующий голос.

– Это моя кукла, – тихо произносит Сара.

– Продай мне эту нелепую деревяшку!

– Я не могу. Она моя. Это мамин подарок. – Грустный голос Сары звучит сдавленно.

– Продай! Тебе же нужны деньги? – Мужчина показывает девочке горсть монет.

Сара смотрит на монеты, на куклу и снова на монеты. Кидает последний взгляд на Адель, целует и протягивает куклу незнакомцу. Мужчина аккуратно принимает из рук ребенка сокровище, высыпает в ее замерзшие ручки монетки и уходит. Он не видит, как девочка тихо плачет и долго смотрит ему вслед. Обильные слезы льются по ее исхудалым щекам, и она усердно утирает их кулачками.

– Прощай, моя Адель! – тихо произносит Сара и бежит в аптеку.

– А, это опять ты? – Мистер Йозеф удивлен.

Сара протягивает ручки и высыпает на стол все монетки, что ей удалось раздобыть. Мистер Йозеф брезгливо перечитывает, оставляет две лишние монетки, остальные сгребает в карман халата и уходит. Через минуту он возвращается с маленькой бутылочкой лекарства.

* * *

Через год, в такую же заснеженную зиму, Сара возвращается из булочной, куда ее отправила бабушка, и видит на площади толпу.

Играет веселая музыка, люди восторженно аплодируют и смеются. Девочке хочется хоть одним глазком взглянуть на происходящее. Она подходит ближе и видит, что в центре, окруженный народом, стоит кукловод. Бархатным и чарующим голосом он поет о зиме, снежной принцессе, прекрасном принце и играет куклой. Ручки и ножки куклы дергаются с помощью ниточек, которыми ловко управляет мужчина.

Каково же было удивление Сары, когда в кукловоде она узнала того самого некрасивого мужчину с косой из черных волос и с серьгой в ухе, а в марионетке – свою Адель.

Вот только кукла выглядит теперь по-другому. Ее Адель стала пластичной и грациозной. Ручки двигаются и даже умеют махать и приветствовать детей, а ножки кружатся в танце. Деревянная дурнушка превратилась в настоящую

принцессу. Тельце покрыто лаком и блестит, глаза подведены черной краской, а зрачки вновь приобрели небесно-голубой отблеск. И только волосы остались прежними и все так же спадают золотисто-каштановой волной.

Сара дождалась, когда представление закончится. Она долго стояла и смотрела на то место, где когда-то танцевала ее кукла.

– Скучаешь по ней? – спросил уже знакомый ей голос. Кукловод узнал в Саре когда-то замерзшую, испуганную и отчаявшуюся девочку.

– Она теперь стала такой красивой и словно живой! – с восторгом произнесла Сара.

– Это потому, что ты отдала ей свою последнюю теплоту и любовь. Ты согревала ее в метель, хотя тебе самой было очень холодно, и именно ты, маленькая девочка с очень большим сердцем, вдохнула в нее любовь! – спокойно ответил мужчина.

– Я очень любила Адель.

– Так значит, ее зовут Адель? – спросил кукловод и тут же добавил: – Красивое имя!

– Так звали мою маму – Адель.

Мужчина задумался и сдвинул брови. При этом глубокая морщина еще сильнее разрезала его худощавый лоб.

– Забирай. Я тебе ее возвращаю! – серьезно говорит он.

– Но она же теперь ваша! Вы ее купили! Да и что будет с вашим представлением? – удивленно произносит Сара.

– Эта кукла твоя по праву!

Девочка берет Адель в руки и прижимает к груди. Целует. Проводит по волосам, рукам и тельцу, трогает складочки на кружевном кукольном платьице.

– Я не могу прятать куклу у себя и одна ей играть. Эта кукла приносит счастье стольким детям… Пусть она продолжает дарить улыбку и радость. Это так важно для всех нас!

– Но ты же ее любишь?

– Очень. Очень люблю! Она всегда будет со мной. Она будет жить в моем сердце! – ответила Сара и протянула Адель кукловоду.

Ольга Сологубова

Нижегородская область. По профессии художник-иконописец, мозаичист, иллюстратор. Начинающий автор, пишу стихи, песни, рассказы, статьи. Публиковалась в районном издании. Люблю творчество в любом проявлении.

Любитель снежных лабиринтов

Шшшшшшшх! Шшшшх!

Желтый помпон Степ Степыча плавно покачивался в такт движению лопаты. Снега навалило в этом году полно. Черныш, любимый пес, резвился на расчищенной дорожке, пока хозяин окультуривал пространство. На голове Степ Степыча поверх вязаной шапки – здоровенные наушники, в которых он напоминал Чебурашку, приплясывающего на заснеженном дворе… Движения ускорились: шшшх! Шшшх! Шшшх!

Скорее всего, в наушниках заиграл рок, лопата заработала в резком темпе. Иногда Степ Степыч начинал довольно ловко вытанцовывать брейк-данс прямо на снегу, когда было настроение. Это был виртуоз, владевший лопатой, как Ойстрах скрипкой. Хотя говорили, что ему лет двадцать, что он учится где-то на заочном и подрабатывает веб-дизайнером, но среди дворников ему не было равных.

Посмотрели бы вы, к примеру, как он прочищал дорожки после снегопада. Ведь он никогда не делал их по прямой линии, будто специально хотел заставить людей бежать к маршрутке или мусорным бакам по закрученной волнистой траектории. Начальник жилконторы Мухтар Султанаевич, приехавший к нам в Подмосковье из Закавказья и уже получивший солидную должность, никак не мог этого понять.

– Зачэм крывые дарожки? Чилавэк хочит на автобус би-

стрээ попасть! А ты его по лабырынту послал!

Степ Степыч пожимал плечами и кивал головой. Теперь он делал одну дорожку прямую – быстро и без удовольствия, а остальные, волнистые, долго и с любовью. Двор становился похож на причудливую графическую абстрактную картину. Такого не было ни в одном дворе.

Ребятня его обожала и за то, что он выделывал во дворе сеть лабиринтов, и за то, что всегда сооружал посередине горку, и за смешных снеговиков, в самых разных позах сидящих на скамейках к крайнему неудовольствию Черныша. Если Степ Степыч нес из магазина пакет с морковками, дети знали – это носы для снежных персонажей, и бежали на улицу помогать лепить. А как он заливал каток! Площадка становилась похожа на голубое зеркало.

В этом году Степ Степыч превзошел сам себя – он построил самую настоящую снежную крепость с амбразурами, зубцами и башнями. Сколько визгу было! Теперь каждый вечер устраивались снежковые баталии, в которых неизменно участвовал Черныш. Даже подростки отлипали от соцсетей и шли играть.

Близились новогодние каникулы. Мухтар Султанаевич вызвал подчиненных:

– Елку будэм ставить. Дают подъэмник на тры часа. Надо вэшать гырланды.

– Елка – это святое! – заметил Степ Степыч и вызвался добровольцем.

Через окно на седьмом этаже мальчик пяти лет завороженно смотрел, как с подъемника Степ Степыч развешивал переливающуюся гирлянду на огромную елку. Неизменный помпон лимонно мелькал в темно-зеленой хвое. Черныш плясал внизу, заливаясь лаем.

– Мама, Васька хочет стать Бэтменом, – мальчик потянул за рукав светловолосую молоденькую женщину, – а Петька Человеком-пауком.

– Вот как? А ты кем хочешь стать, Игорек?

– А я дворником! Как Степ Степыч. Это круто, мам.

Маму звали Анна, и она, надо сказать, украдкой частенько наблюдала за необычным дворником.

Елка сияла теперь каждый вечер. Игорек с мамой любовались ею, когда возвращались из их детского сада, в котором мама Игорька работала воспитательницей. Отец мальчика давно покинул и семью, и страну, поэтому жили они вдвоем. В этот вечер они навещали бабушку и припозднились.

Было совсем темно и безлюдно, только где-то в конце двора шуршала лопата Степ Степыча. Начиналась метель. Они поспешили домой, но в эту самую минуту из темного подъезда показался незнакомец.

Все произошло неожиданно. Он выхватил сумку из рук Анны и, толкнув, сбил ее с ног.

– Мама-а-а!

Буквально через минуту рядом возник Степ Степыч. Чер-

ныш, свирепо рыча, догнал вора и волчьей хваткой вцепился в его ногу, вынудив бросить украденную сумку. Степ Степыч ринулся к Анне, которая лежала без сознания, ударившись при падении головой. Игорек размазывал варежкой слезы и с испугом смотрел на мать.

– Не реви! Все будет хорошо. Где ваша квартира? Ключи есть?

– В сумке у мамы-ы-ы-ы, – сквозь всхлипывания выдавил Игорек.

Врач со скорой устало говорил Степ Степычу:

– Постельный режим! Ну и завтра к участковому врачу. А за женой присматривайте! Если будет кружиться голова, пусть пьет вот это лекарство.

Степ Степыч покраснел, помял в руках свою желтую шапку, но возражать не стал, молча кивнул. Успокоившийся Игорек спал в обнимку с Чернышом. Врач удалился. Анна смущенно посмотрела на Степ Степыча:

– Спасибо вам! Мне уже лучше. Извините, что так вышло…

– Полицию я вызвал.

– Нет, не надо было! Скорее бы забыть все это.

– Может быть, помощь моя нужна? Вы не стесняйтесь!

– Да нет. Хотя… мне неловко вас просить, но нам в детский садик нужен Дед Мороз на утренник, а найти не можем. Коллектив у нас женский… – Анна перешла на шепот, чтобы не услышал Игорек.

– Вы хотите, чтобы я стал Дедом Морозом? – тоже прошептал Степ Степыч озадаченно.

Анна смутилась и пожалела о своей просьбе.

– Вы извините, я понимаю, это, вероятно, глупо. Но у нас действительно безвыходная ситуация.

– Ну, если так…

«Сама только очнулась, а переживает по поводу Деда Мороза…» – подумал он.

Праздник вышел веселый. Дед Мороз играл на гитаре и пел рэп про зайцев в новогоднем лесу, чем изумил заведующую и родителей, потом достал из мешка подарки и раздал детям. Игорек впервые после того нападения у подъезда улыбнулся, когда получил за прочитанный стишок игрушечную рацию и конструктор.

С тех пор Степ Степыч, покидав снег и прочистив дорожки, частенько заходил к своим новым друзьям. Ему нравилось смотреть, как Анна наливает чай, нравилась ее улыбка, светлые с отливом волосы, привычка смущаться. Правда, она не очень разбиралась в современных музыкальных стилях. Анна же замечала, как привязывался к Степ Степычу Игорек, она и радовалась, и боялась того, что могло произойти. И неизвестно, чем бы закончилась эта история, но только вскоре двор остался без дворника.

Степ Степычу пришла повестка. Случилась мобилизация. Собирали его всем двором, даже прижимистый Мухтар Султанаевич выделил от жилконторы что-то вроде материаль-

ной поддержки в дорогу. Слез было пролито немало, особенно расстроилась детвора. На пункте отправки перед народом выступил глава администрации, потом кто-то из военкомата. Были сказаны разные правильные слова. Потом все както замолчали, и тяжесть опустилась на души. Чтобы не затягивать паузу, скомандовали строиться.

Подали автобусы. Анна улучила минутку, подошла к Степ Степычу и тихо сказала, чтобы никто не слышал:

– Степа, я буду ждать, если ты не против…

Степ Степыч впервые обнял ее. Потом взял Игорька на руки и подбросил. Его ни разу никто не подбрасывал так, да еще на глазах у всех других детей. Это было здорово!

– Игорек, тебе от меня задание: присмотри за мамой и за Чернышом! Сам понимаешь…

Игорек серьезно кивнул и взял Черныша за ошейник.

– Степ Степыч, ты вернешься?

– Куда ж я денусь? Смотри, сколько снега, надо ж будет чистить.

– Я тоже хочу тебе сказать…

Степ Степыч наклонился. Игорек положил ему в руку что-то маленькое, завернутое в тетрадный листок:

– Только ты сейчас не смотри, потом посмотришь. Это мне наш батюшка дал.

Утром Игорек выглянул в окно. Носы снеговиков поникли. Никто не прокладывал затейливых лабиринтов в снегу. Игорек взял лопатку и побежал во двор. Пыхтя с непри-

вычки, он сделал дорожку змейкой. Она получилась узкая и неровная, как червячок, но немного напоминала те, что любил Степ Степыч.

А поезд увозил новобранца все дальше от родных мест, от Игорька, от Анны в вагоне, заполненном такими же, как и он, нежданно-негаданно вытряхнутыми из привычной жизни парнями, для которых все неотвратимее приближалась общая для всех и особая для каждого неизвестная пока неизбежность. Степ Степыч надел свои чебурахообразные наушники и закрыл глаза. В них пели о счастье, о любви, о встречах после разлуки. Он нащупал крохотный сверток в кармане и, вспомнив, развернул. На ладони лежала маленькая иконка Георгия Победоносца, подарок Игорька.

Андрей Краус

71 год, Москва, пенсионер. Пишу около одного года. Публикации рассказов в двух коллективных сборниках и двух номерах газеты «Завалинка».

Самый одинокий Новый год

Максим Львович, пожилой мужчина, вполне стройный для своего возраста, с изрядной залысиной среди седых волос, со спокойным, умным лицом, покрытым сеткой морщин, отражавшей частые размышления и веселье, сидел в кресле в глубокой задумчивости.

Жена уехала проведать внуков, и он остался в доме один.

До Нового года оставалась неделя.

Каждый год в последнюю неделю он подводил итоги прошедшего года и строил планы на наступающий. Он был доволен: многое сделано, много нового освоено, масса интересных впечатлений. Планы на следующий год в общих чертах были понятны, но, по опыту, всегда происходили какие-то события, которые меняли или дополняли план. Так даже интересней, если не думать о каких-то неприятных или трагических событиях.

Однако не это сейчас занимало его мысли. Ежегодно перед наступлением Нового года на Максима Львовича накатывала чудовищная волна одиночества. Ощущение своей ненужности, бессмысленности и бесполезности своих усилий, отсутствия поддержки и сопереживания давило на него. Такое состояние посещало его регулярно, и он много лет пытался понять причины.

Активная и насыщенная жизнь, работа, постоянное окру-

жение множества людей не позволяли всерьез задуматься о жизни, цели, смысле и предназначении.

Перешагнув за шестьдесят пять лет, Максим Львович стал интересоваться предметами, которые ранее его не трогали.

Выйдя на пенсию, он принялся читать литературу по психологии, социологии, о мозге, о карме, о религии, о душе. Из всего этого получилась такая каша, что разобраться и сделать какие-то практические выводы было невозможно. По отдельности каждый предмет был как-то понятен и находил отклик, но из всего вместе создать стройную картину мира не удавалось. Понятна была общая установка, что к миру и к людям надо идти с добром и любовью, нельзя плодить зло. Но что делать с собой и со своими проблемами, ответ не складывался.

Чтобы во всем этом разобраться, Максим Львович поступил в этом году на онлайн-курсы по психологии. На этих курсах он стал многое понимать, но особенно его затронула информация о психологических установках, паттернах. Преподаватель рассказала, что в раннем детстве надо искать свои проблемные установки, которые преследуют всю жизнь.

Максим Львович с большим трудом и явным нежеланием начал погружаться в далекое прошлое.

В дошкольном возрасте он был очень слабым и болезненным ребенком. Много раз лежал в разных больницах, где ему было очень плохо и одиноко. Он плакал от тоски и одиночества, а когда приходила мама, просил ее со слезами: «Мамоч-

ка, забери меня отсюда!» Но она не могла этого сделать…

В связи с Новым годом всплыла в памяти одна история, которая оставила след на всю жизнь. Максим Львович закрыл глаза и начал вспоминать: «Мне было восемь лет. Семья готовилась к встрече Нового года. Должны были прийти гости: папины друзья с женами и мамины подруги с мужьями. Мама готовила праздничный стол: закуски, напитки, а на горячее – утка с яблоками. Разложили большой обеденный стол, придвинули его к дивану и поставили вокруг стулья. Стали собираться гости и рассаживаться за стол. Я залез на диван и ждал начала праздника. Рядом со мной села моя старшая сестра, которой уже было пятнадцать лет. Она вдруг сказала, чтобы я ушел в маленькую комнату, праздник для взрослых, и мне тут нечего делать. Естественно, я был не согласен, мне очень хотелось встретить Новый год со всеми. Сестра начала выталкивать меня с дивана. У нас началась драка, я отбивался от нее руками и ногами. Наконец пришла мама, схватила меня за руку и увела в другую комнату, несмотря на мое сопротивление. Там она меня отшлепала так, что я заплакал, и сделала внушение: «Разве можно так обращаться с сестрой? Она же девочка! Сиди здесь, а через полчаса ложись спать. Приду проверю».

Я сидел и плакал от обиды, чувствуя себя несчастным, одиноким и никому не нужным. Во мне созрело решение. Я тихо вышел в прихожую, оделся и пошел на улицу. У меня не было какой-то цели, просто брел по улице. На тротуарах

было совсем немного прохожих, спешащих на встречу Нового года. Проезжали с грохотом редкие последние трамваи. Медленно шел мягкий, пушистый снег. Я смотрел в окна домов, в которых были видны елки и светились новогодние гирлянды. От этого мне было еще больней. Я представлял, как у нас дома веселятся гости у новогодней елки, которую мы наряжали с папой. Идти мне было некуда: бабушек-дедушек нет, друзей тоже особо нет, да и кто ночью примет одинокого мальчика, ушедшего из дома? Тут же отведут домой, а я туда не хотел. Довольно долго я шел по пустой улице. Пешеходов уже не было. Наверное, наступил Новый год. Мне казалось, что я один такой во всем этом пустом и равнодушном городе.

Наконец я устал, развернулся и пошел обратно. Через наш двор прошел в последний подъезд дома, поднялся на чердак, сел на подоконник и стал смотреть на улицу через маленькое окно.

Во дворе ходили какие-то люди. Наверное, уже отметили Новый год и вышли гулять. Через некоторое время во двор заехала милицейская машина. Вокруг нее столпились люди. Мне стало интересно, и я вышел из подъезда посмотреть.

«Да вот же он!» – услышал я восклицание и увидел идущего мне навстречу папу.

– Где ты был? Мы с гостями вместо встречи Нового года бегали по дворам и улицам, искали тебя. И милиция тоже тебя искала.

– Я гулял. Зачем я вам? Вам и без меня хорошо.

– Максимка, глупый. Как ты мог такое подумать! Ты у нас самый дорогой и любимый. Никогда так не поступай».

Максим Львович открыл глаза, тоскливо огляделся и подумал: «Да. Это был самый одинокий Новый год в моей жизни. Понятно, откуда это одиночество. Но что с ним делать? Оно от меня никуда не уйдет».

В это время раздался звонок в дверь. Максим Львович встал и пошел открывать. На пороге стояла жена, бодрая, веселая, румяная от морозца. Она вошла и с ходу затараторила:

– Максимка! У меня для тебя радостная новость. 31 декабря к нам придут все дети и внуки в полном составе! Быстро собирайся и иди в магазин за продуктами. Список сейчас напишу. Потом вернешься, будешь елку ставить и наряжать.

Через полчаса Максим Львович с сумками и огромным списком вышел из дома на улицу. Сыпал тихий, легкий снежок. «Вот оно – лекарство от одиночества», – подумал он и впервые за весь день улыбнулся.

Надежда Воронжинская

Г. Санкт-Петербург. Работала геологом, агентом по недвижимости. Пенсионер, два года назад (в пандемию) начала писать посты в соцсетях, участвовать в марафонах. Первая публикация, первый рассказ. Написан на основе реальных событий. Удивительная история – своя жизнь и ближайшего окружения.

Отец

«Не может быть. Это правда?» – спросила меня подруга.

Не верилось, но знала – не выдумка.

Под Новый год Иван наконец-то дозвонился до мамы. Пенсионерка Любовь Сергеевна осталась жить зимой на даче, где связь барахлила. Ветер еще летом нарушил антенну, так и не починили. Несколько раз приезжали ремонтные бригады, но без толку. В декабре нежданно грянули лютые морозы, иногда пропадал свет. Дом хлипкий, магазин только в сезон работает. Ленобласть, дачный поселок, от Петербурга сто километров. Температура ниже тридцати градусов – редкость для здешних мест.

– Мама, пожалей себя, и меня заодно, волнуюсь, холод такой, а ты на даче, одна. Возвращайся в город.

– Сынок, печка не подводит, ладную справил, в доме тепло, да и не одна я, нас много.

– А с кем ты? Рыжик нашелся? – сказал Иван с усмешкой.

– Появился защитник, приезжай, сам увидишь.

Любовь Сергеевна – женщина сердобольная, кота Рыжика достоинства лишить не смогла. Прибился к ней котенком: шла как-то из магазина домой, присела на скамейку отдохнуть, сумки тяжелые нагрузила, позвонила внучке, чтобы вышла помочь. Вдруг слышит, мяукает кто-то в кустах. Обернулась, стоит коробка, а там рыженький котенок. Один,

выбраться не может, плачет, голодный. Достала молоко, булочку, рада, что с собой еда оказалась, да и не смогла расстаться больше с чудом. Внучка подошла на подмогу, обрадовалась, что малыш появится, с детства просила. Вырос красавцем: густая рыжая шерсть, белый треугольник на груди, зеленые глазищи, пушистый хвост. Ласковый, но характер твердый, отстаивал право на личную жизнь. Отчаянно бил гормон кошачьей страсти. Весной вел себя агрессивно. Однажды разодрал так руку женщине, что пришлось идти в травму и зашивать. Летом сокровище брали на дачу, там Рыжик неизвестно где пропадал сутками. Приходил питаться не чаще чем раз в три дня, совсем не забывал о любимой мисочке с домашней едой. Бывало, появлялся побитый и разодранный. Бойца лечили, кормили, журили. Осенью забирали кота в город, где он зимовал в полной тоске в ожидании весны. В тот год летом совсем загулял, переживали, что Рыжик давно не появлялся, пропал. Ходили по соседям, искали, но никто ничего подсказать не смог. Грустили, надеялись, что вернется. Но Любовь Сергеевна осталась, ждала любимца. В город еще не уехала, чтобы внучке не мешать, сложно, когда они в одной комнате. Надеялась, что жизнь личную быстрее без нее устроит. Скоро тридцать лет, а не замужем. Иван злился, что мать не собирается возвращаться в город, но поехал на дачу проведать и привезти продукты. Машину кидало из стороны в сторону, заносило на поворотах. Пошел снег, дорогу замело, ехать стало еще сложнее,

гнать опасно. Только к вечеру добрался. Поселок во тьме, видны редкие огоньки из окон, большинство людей не испытывали судьбу, из-за аномальных морозов уехали. Вошел в дом и обомлел: в комнате на диване играли пять котят, Любовь Сергеевна суетилась у печки, по аромату понял, что там томится наваристый борщ. Тепло, уют, аура блаженства проникала в каждую клеточку гостя, кот Рыжик вальяжно подошел к Ивану.

– Мама, что это за зверинец у тебя здесь? – Сын рассмеялся и сел за стол, где его ждал салат и пирожки.

– Не шуми, сынок, это дети нашего Рыжика, три дня назад всех привел, мороз крепкий, спас малышей от беды, умница. – Женщина улыбалась, смотрела на любимого сына.

– А где их мать?

– Кто это знает? Неизвестно. Слышу вечером, что кто-то под дверью мяукает и скребется, открываю, а там наш пропавший семейство свое привел. Натрудился с весны, паршивец.

– И куда их теперь, мама, девать-то?

– Разберут, не переживай, но останусь на даче.

Не уехала Любовь Сергеевна в город, морозы закончились. Котят пристроили, одну рыженькую девочку оставили. Спокойная, никуда не убегала, помощница по защите дома от мышей. Рыжик весной вновь пропал, в этот раз навсегда. Зимняя история прославила в поселке кота. Стал легендой о заботливом отце и крутом отцовском инстинкте. Соседи

долго спрашивали: «Отец не вернулся?»

Светлана Мезенцева

54 года, пгт Верхошижемье, Кировская область, Россия. Пишущий индивидуальный предприниматель-бухгалтер. Соавтор семи коллективных сборников. Обложки двух из них украшают ее фотографии. Публиковалась в районной газете и областном литературном журнале «Ротонда».

Огни Ленинграда

Мария Ивановна уже шесть лет жила с внуком Иваном и его семьей – женой Верочкой и чудесным бесенком в юбочке – Анюткой.

Ваню бабушка воспитывала с рождения и очень любила. После болезни Мария Ивановна не смогла жить самостоятельно, и, когда на семейном совете решалось, с кем будет жить Мария Ивановна, внук встал и заявил: «Бабуля будет жить с нами. И возражения не принимаются». К тому времени Иван уже женился на красавице и умнице Верочке и крепко стоял на ногах. А когда в доме появилась Анютка, Верочка с удовольствием принимала посильную помощь от Марии Ивановны. Анютка росла гиперактивным ребенком. Вот и сейчас, за ужином, она постоянно что-то проливала или роняла на пол.

Ужинали втроем. Иван, как всегда, задерживался на работе.

– Чаю, Мария Ивановна? – спросила Верочка, вставая из-за стола.

– Да, пожалуй, – ответила Мария Ивановна.

– А мне, а мне какаву. – Анютка отодвинула тарелку с салатом и нечаянно столкнула кусочек недоеденного хлеба на пол. Она приложила указательный пальчик к губам. Этот всем известный жест предназначался бабулечке Машулечке

и означал «Не выдавай!»

– Анюта, я все вижу, – сказала Вера. Хотя она и стояла спиной к столу, но присущим только мамам зрением она видела все, что творит ее ребенок.

– Ну что это такое? Выброс немедленно хлеб. Не хватало еще есть с пола.

Анютка посмотрела на бабулечку Машулечку. Ведь именно та всегда ей говорила, что хлеб нужно беречь. Мария Ивановна озорно подмигнула девчушке, незаметно взяла кусочек, поднятый той только что с пола, и спрятала хлеб в карман жилетки.

* * *

В комнате царил полумрак. Лишь старая лампа освещала разобранную ко сну постель. У окна сидела в инвалидном кресле Мария Ивановна. Она достала кусочек хлеба из кармана, и глаза наполнились горькими слезами воспоминаний.

За окном зажигал свои огни красавец Ленинград. Мария Ивановна так и не смогла привыкнуть к новому названию – Санкт-Петербург. То тут, то там зажигались все новые и новые огни. Где-то среди этих огней на Фонтанке засверкал новогодним убранством Аничков дворец.

* * *

Декабрь 1941-го.

Посредине промерзшей комнаты огромной коммуналки, коих было много в Ленинграде, стояла холодная буржуйка. Уже три дня она не топилась. В комнате кроме печки остались только кровать да два чемодана. Кровать не пошла в топку только из-за того, что была железной. В чемоданах хранились те немногие вещи, которые решено было все-таки не менять на продукты. На кровати, подвинутой к холодной печке, лежали двое – брат и сестра. Маленький Сережа шести лет, больше похожий на сморщенного старичка, и Маша. Она была сейчас за старшую, хотя ей летом исполнилось всего двенадцать лет. Сережа подул на замерзшие ручки и спросил:

– Маша, а мама Поля Сергеевна сегодня придет?

Маша всегда удивлялась: «Почему Сережа называет маму именно так, а не просто мамой?»

– Не знаю, если отпустят, то придет. – Маша встала с кровати.

Когда началась война, мама пошла работать на военный завод, оставив свою библиотеку. Потом началась блокада, и дома она бывала редко.

– Вставай, Сереж, надо греться.

– Маш, я не хочу. – Сережа зябко поежился и спрятал нос в воротник пальтишка.

Маша начала уговаривать братишку:

– Сереженька, миленький, надо. Иначе замерзнем.

Она помогла подняться ему, и они начали свой путь.

– Давай-давай, Сережка-моркошка, – девочка как могла старалась подбодрить младшего брата. – Помнишь, тебя так папа называл?

Мальчишка улыбнулся.

– А тебя он звал Машка-промокашка, – он испытующе посмотрел на сестру. – Папа ведь вернется? Убьет Гитлера и вернется?

Маша проглотила комок, подступивший к горлу. От отца уже два месяца не было весточки.

– Конечно же вернется. Давай-давай, Сережка-моркошка.

– Давай-давай, Машка-промокашка.

Дальше их прогулка по комнате пошла веселее.

– Скоро Новый год. Маму обязательно отпустят, и она принесет нам еды. – При слове «еда» желудок у девочки предательски сжался, но она продолжала: – А ты помнишь, как пахнут мандарины? А елка?

Где-то хлопнула дверь. Сережа остановился, посмотрел на сестру.

«Мама?» – спрашивали глаза мальчика.

Дети замерли в ожидании. Нет, шаркающие медленные шаги прошли мимо и направились по бесконечному коридору большой квартиры. Брат и сестра продолжили свой путь. Три шага до двери, шесть до холодной печки, восемь до окна. Внизу снова хлопнула дверь. Но на этот раз дети не остановились. Теперь они двигались от окна до кровати.

– Маш, Сереж.

Дети оглянулись. Прислонившись к косяку двери, стояла мама.

– Мама! – Глаза маленького Сережи ожили. – Мама Поля Сергеевна! – Он улыбнулся.

Мама привезла на санках целых шесть досок, и к вечеру в комнате чуть потеплело. Сережа уже спал, съев маленький кусочек хлеба.

Маша и мама сидели на корточках у потухающей буржуйки, от которой шло живительное тепло.

– Маша, на заводе давали билеты на новогоднюю елку в Аничковом дворце. Вот. – Мама достала из-за пазухи билет.

Девочка дрожащими руками взяла помятую бумажку.

– На елку? Уже завтра?

– Да, доченька, завтра. – Мама сняла с буржуйки чайник. – А ты вон какая чумазая. Помыться бы тебе. Правда, у нас даже тазика не осталось.

– У тети Клавы есть тазик. Я сейчас. – Маша сорвалась с места.

Через несколько минут она появилась в дверях с тазиком в руках.

– Тетя Клава… – Маша всхлипнула. – Она умерла. Я взяла тазик. Я потом отнесу.

Она стояла словно каменная. Полина Сергеевна встала, взяла из рук Маши тазик. Прижала ее голову к себе.

– Ничего, все будет хорошо. Все будет хорошо. – Мама

ласково погладила дочку по голове. – Завтра я тетю Клаву на санках увезу. А ты давай по-быстрому раздевайся. Будем мыться, пока чайник не остыл.

Мама достала старый обмылок, чудом сохранившийся на дне чемодана. Она быстрыми движениями намочила дочери голову.

– Завтра ты будешь самая красивая, я заплету тебе косички.

Ласковые мамины слова убаюкивали. Девчушка вспомнила прошлый Новый год. Темная комната ожила. В углу стоит сверкающая большая елка. Сильные папины руки подбрасывают Сережку под потолок. Тот радостно хохочет.

– Замерзла? Давай садись поближе к печке – грейся. – Мамин голос вернул Машу в холодную и темную комнату.

Та послушно села. Мама достала гребень из волос и стала причесывать Машины кудряшки.

– Там на елке обед будет, так ты много сразу не ешь, – давала наставления Полина Сергеевна. – Плохо будет. Ну вот и все. Красавица. – Она поцеловала дочку в макушку. – Ты ложись, а я к тете Клаве схожу. Тазик отнесу.

Она ушла, а Маше не спалось. Она все представляла завтрашний день и елку.

– Ах ты сволочь проклятая! – вдруг послышался крик мамы.

Маша выскочила в темный коридор коммунальной квартиры, где когда-то то и дело раздавался чей-то смех и всегда

над входной дверью горела лампочка Ильича. Сейчас здесь была темнота. Совсем рядом мелькнула темная тень. Глухо стукнула чья-то дверь.

– Мама, – шепотом позвала перепуганная девочка. На ощупь она дошла до двери тети Клавы, толкнула ее. На столе тускло горел огарок свечи. Тело тети Клавы было уже во что-то завернуто и лежало на полу.

– Маш, ты чего не спишь?

Полина Сергеевна вытащила из угла узел с каким-то барахлом.

– Мама?.. – дочь с ужасом смотрела на мать, обворовывающую мертвую соседку.

Та с трудом подтащила узел к двери.

– Мама! – вскрикнула Маша и прижала руки к щекам.

Полина Сергеевна выпрямилась.

– Что? – зло спросила она и кивнула на тело тети Клавы. – Ей это уже не нужно, а нам сгодится. Все равно все растащат. Вон уже один приходил, – она заправила выпавшие из-под гребенки волосы, – а я выменяю на что-нибудь из еды. Давай, помогай. Еще шкаф нужно разобрать, дня на четыре хватит вам печку топить.

Маша попятилась назад. Ее детский ум никак не мог принять, что ее мама стала воровкой. Мама, которая все время ее учила, что чужое брать нельзя…

Маша бросилась в свою комнату. Слезы душили ее. Она легла рядом с братом и бесшумно заплакала. Маша отказы-

валась верить в происходящее в комнате соседки.

«Нет! – Билось у нее в голове. – Так нельзя! Нельзя!»

Сережка заворочался, Маша прижала к себе брата. Она закрыла глаза.

«Никогда. Никогда я не буду брать чужого».

Утром Полина Сергеевна протянула дочери карточки на хлеб. Это были не те военные, которые она приносила с завода. Маша поняла – это карточки тети Клавы. Маша отрицательно закивала головой.

– Бери! – Полина Сергеевна насильно вложила бумажки в руку Маши. – Не мы, так кто-нибудь другой. Мне пора, я там у Клавы бидончик нашла, – она кивнула на узел в углу. – Ты возьми его. Вдруг еды много будет, Сережке принесешь. Все, я пошла. Мне еще тетю Клаву тащить.

Она поцеловала Сережу. Маша от поцелуя уклонилась.

Она так и стояла с карточками тети Клавы в руках.

* * *

За окном сиял множеством огней красавец Ленинград.

– Бабулечка Машулечка, – из-за приоткрытой двери высунулась милое личико Анютки, – иди скорей, посмотри, какую нам папа елку принес. Настоящую! Пахучую!

* * *

Пахучую. Запах той елки в Аничковом дворце Мария

Ивановна помнила всю жизнь. Терпкий, лесной. Его даже не мог перебить запах еды. Изголодавшиеся дети не могли дождаться конца представления. Все ждали обед, а Машу буДоражил аромат елки. Аромат Нового года.

Поела она совсем немного. Давали почти прозрачный суп из чечевицы и макароны с котлетами. Но Маша и половину всего этого не съела, вывалила в бидончик, который тайком пронесла с собой. Ведь дома ее ждал Сережа. А в конце обеда всех детей ждал сюрприз. Мандарины! Настоящие!

Маша поднесла оранжевый шарик к носу. Но тут обнаружила в нем дырочку.

– Пуля! Смотрите, у меня в мандарине пуля! – вдруг крикнул кто-то из ребят.

Маша посмотрела на свой мандарин, поняла, откуда взялась эта дырочка, и ужаснулась. Может быть, кто-то даже погиб, чтобы доставить эти мандарины в блокадный Ленинград.

* * *

– Бабулечка Машулечка, ты почему не идешь елку смотреть?

Егоза Анютка снова просунула головку в комнату, а потом и сама подбежала к креслу-каталке.

– Смотри, что у меня есть! – Она разжала ладошки, протянутые к прабабушке. – Хочешь?

* * *

– Сережка, смотри, что у меня есть! – радостная Маша достала из-за пазухи мандарин. – Он настоящий! Понюхай, как пахнет.

– Я спать хочу, – чуть слышно прошептал брат.

– Ты что? Как – спать? День на дворе.

Она замерла. Сережка лежал на кровати, прижав ноги к груди. Белое лицо брата резко выделялось на грязных вещах, которыми они укрывались.

«Спать? Нет! Нельзя спать! Нет!»

Она что есть силы принялась трясти его.

– Сережка, миленький, нельзя спать! Слышишь? Нельзя спать. Я тебе еды принесла. Ты слышишь? Еды!

Голова Сережи моталась из стороны в сторону.

– Какой еды? Нет у нас еды, – шептал побелевшими губами брат.

– Есть! Есть! – уже кричала Маша. – Я сейчас! Сейчас!

Она быстро растопила печку. Поставила кастрюльку на буржуйку. Выковыряла ложкой замерзший суп из бидона.

– Ты только не спи! Слышишь! Не спи!

* * *

– Бабулечка, а почему ты плачешь?

Анютка, успевшая уже забраться на колени к Марии Ива-

новне, маленькими ручонками вытирала ей слезы, застрявшие в морщинках, избороздивших ее лицо.

– Ты почему не спишь еще, егоза?

– Я елку наряжала, – гордо ответила Анютка и улыбнулась. – Ты не плачь, бабулечка. Скоро Новый год! Папа сказал, что плакать в Новом году нельзя, даже когда упадешь и коленку разобьешь.

Тут Анютка заботливо посмотрела на бабушку и спросила:

– Ты, случайно, не упала, бабулечка? Коленку не разбила?

– Нет, милая, не упала, – успокоила правнучку Мария Сергеевна.

Девчушка слезла с коленей, оставив мандаринку в руках бабулечки. Встала перед ней и, подбоченясь, серьезно приказала:

– Если ты не упала, то пойдем чай пить. Папа пироженок вкусных принес.

И убежала.

Мария Ивановна поднесла мандаринку к носу. Так пах их с Сережкой чай, который она тогда заварила из корочек того самого мандарина…

В кармане зазвонил телефон. Мария Ивановна достала его и улыбнулась. В трубке сиплый мужской голос произнес:

– С наступающим тебя, Машка-промокашка! Как ты?

– С Новым годом, Сережка-моркошка!

За окном сиял новогодними огнями праздничный Ленин-

град. Мария Ивановна так и не привыкла к названию Санкт-Петербург. На подоконнике лежали маленький кусочек хлеба и мандаринка.

Вера Минакова

65 лет, г. Балаково, Саратовская область, Россия. Учитель иностранных языков средней школы. Соавтор семи коллективных сборников.

Новогодняя история

Декабрь. Приближается Новый Год. Вечер. Женщина средних лет стоит у окна и задумчиво смотрит на кружащиеся в свете фонаря снежинки. Она теребит кончик косы, которую перекинула на грудь через плечо. К встрече Нового года в основном все готово: и продукты, и красивое платье. Но… Костюм для дочери к новогоднему празднику в школе не готов еще. Дочь Ольги, Верочка, немного полновата, но ее это не портит. У девочки миндалевидные карие глаза и длинные темные волосы, брови вразлет. Девочка напоминает восточных красавиц. Именно поэтому Ольга и предлагала дочери японский костюм, но та наотрез отказалась, и Ольга не понимает почему. Девочка заявила, что хочет, чтобы все «попадали от удивления» от ее костюма, и хочет принять участие в новогоднем концерте, но с каким номером, не определилась.

Ольга следит за снежинками, и у нее рождается костюм. Это восточный костюм из белого шелка. Дочь Ольги недавно стала посещать занятия ансамбля восточного танца «Фархад» и уже знала несколько базовых движений. Ольга и сама когда-то занималась восточными танцами. Поставить с дочерью небольшой фрагмент танца она вполне может. Ольга удовлетворенно выдохнула и, бросив последний взгляд на танцующие снежинки, пошла спать.

Утро, обед и вечер следующего дня прошли в поисках материала. Магазинов много, разнообразие тканей поражает, но когда нужно что-то определенное, то именно этого материала или нет, или только закончился, или есть, но нужного метража нет. Объехав почти весь город, Ольга нашла в одном из магазинов нужный ей шелк, но меньшего метража. Делать было нечего, и она приобрела материал.

Когда дома Ольга делала примерный расчет, то поняла, что ей не хватает около метра шелка. Подумав, она вспомнила, что похожий материал она видела у брата. Он когда-то занимался парашютным спортом, и у него остался парашют из белого шелка. Вот он ей как раз и нужен. Она позвонила брату и попросила его об услуге, объяснив, зачем ей нужен его парашют. Брат давно уже перестал прыгать с парашютом, и он у него пылился на антресолях. Тот согласился завезти парашют вечером, после работы, да проведать любимую племянницу. Девочка была в восторге от визита дяди: он всегда привозил какие-либо подарки – милые игрушки, фрукты, сладости. А еще Верочка очень любила, когда ее дядя рассказывал ей волшебные истории. Так было и в этот раз. Девочка, затаив дыхание, слушала арабские сказки, а Ольга в это время шила костюм. Было уже поздно, когда Ольга закончила шить. Андрей, брат Ольги, уже уехал домой. Дочка спала и видела чудесный сон, где она в волшебной арабской стране танцует на площади восточный танец. Толпа рукоплещет ей.

Утром, когда Верочка примерила костюм, она не удержалась и воскликнула:

– Мамуль, какая же ты мастерица! Точно все попадают от удивления!

Девочка была в полном восторге от костюма. А еще обещанный танец занимал ее мысли. Вздохнув, Ольга подумала, что она где-то упустила дочку. Воспитание – трудное дело.

Оставшиеся три дня до праздника в школе пролетели быстро за подготовкой танца.

Наступил новогодний праздник в школе. Все дети были в разных красивых костюмах. Прошел костюмированный парад учащихся. Верочка получила приз зрительских симпатий. Но ей хотелось большего. И вот наступило время концерта. Объявили ее номер. Раздалась тягучая восточная мелодия, на сцену выплыла восточная красавица. Ее движения были плавными и завораживающими. Все замерли. Как же красиво девочка танцевала! Музыка затихла, и танец закончился. Несколько секунд в зале стояла тишина. Глаза девочки наполнились слезами: «Неужели ни мой костюм, ни мой танец никому не понравились?»

И тут зал взорвался аплодисментами. Верочка сделала поклон и, радостная, побежала к своей маме.

Обняв Ольгу, девочка прошептала:

– Мама! Это так здорово – слышать, когда тебе хлопают.

– Аплодируют, доченька, а не хлопают. Ты это заслужила. Костюм произвел впечатление и на детей, и на взрослых.

Другие родительницы спрашивали Ольгу, где она достала такой шикарный костюм. А она только загадочно улыбалась.

Верочка была счастлива и совсем не помнила о своем «чтобы все попадали от удивления». Она весело кружилась с друзьями в хороводе вокруг елки, пела песни и радовалась от всей души наступающему празднику. Ольга удовлетворенно подумала, что ее дочь забыла о своем желании и резвится со своими друзьями.

Как хорошо, что есть родные люди, которые могут прийти к тебе на помощь. Хорошо, что твой ребенок не эгоист, который только и хочет, что быть выше всех. Как хорошо, что у твоего ребенка есть друзья, с которыми он может весело провести время. Ольга, Андрей, Верочка и ее друзья не успели оглянуться, как наступил Новый год, который они встретили веселой и дружной компанией.

Лидия Бычкова

61 год, х. Красный, Анапский район, Краснодарский край, Россия. Пишущий режиссер-постановщик. Автор повести «Легенда о маленьком охотнике», изд-во «Абрис», г. Челябинск, 2018 год. Соавтор электронного сборника «Огонь, вода и медные трубы. Стимпанк», 2022 год.

Фотография на память

Посвящается моим близким

Зима на Урале в начале 1942 года выдалась снежная, морозная. Редкий день был солнечным и погожим. Деревеньку Екатериновку, затерявшуюся в глухой тайге, сначала прихватила декабрьская стужа, затем добавили стыни крещенские морозы, а потом февральская метель неуемно сыпала снег на улицы и подворья. Избы утопали в сугробах.

Саша с детьми жила на окраине деревни, в старом маленьком домике. Каждое утро сын, двенадцатилетний мальчуган Ванька, брался за лопату, выходил во двор и торил дорожки от крыльца к дровнику, от дровника к воротам. Сегодня он торопился. Ваньке не терпелось скорее кончить работу во дворе и бежать к ребятам. С вечера он с Колькой Бочковым и Мишкой Сажиным начал строить на окраине деревни снежную крепость. Он ловко кидал снег по сторонам дорожки, наконец дошел до ворот, но открыв их, увидел снежную стену. За ночь намело снега под самую крышу. Ванька сунул в середину сугроба лопату, вырыл лаз и выбрался наружу к воротам. День выдался солнечным, и Ванька на миг представил, что если бы оно пригрело посильнее, то этот сугроб за пару дней растаял бы сам по себе.

– Эх! – с сожалением протянул Ванька и снова принялся

за уборку снега.

С улицы донесся громкий смех. Ванька оглянулся и увидел двух девушек, идущих по едва утоптанной тропинке. Они тащили, ухватившись вдвоем за веревку, санки. Деревянный короб, притороченный к санкам, опрокинулся на обочину в глубокий снег. Девчушки, подзадоривая друг друга, поправили короб, при этом они не переставали смеяться то ли над кем-то, то ли над собой. Завидев Ваньку, девчонки опять прыснули со смеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.